Светлым июньским вечером по берегу Большого Царскосельского пруда шел господин лет шестидесяти, то есть не такой уж старый. Но по шагу, по лицу и одежде видно было — как следует поживший и даже прожившийся. Оно и верно: огромную родительскую квартиру в «Доме Бенуа» на Каменноостровском проспекте он задорого продал и купил меньшую, но в хорошем месте, на Ждановке. Дачу в Комарово потом тоже продал. Полученные деньги тратил просто так, на жизнь. Неделю назад, обтираясь полотенцем после душа и глядя на свой худой, но уже дряблый живот, он вдруг ощутил буквальный смысл слова «проел». Как будто бы вживую увидел анфиладу с лепным потолком, ореховый кабинет, вид из окна во двор; увидел также старую дачу на просторном участке соснового леса, где в углу был маленький совсем ахматовский прудок с тиной, которая на парчу похожа. И все это пошлейшим образом превратилось в еду, одежду, квартплату, летний отдых, скромную машину — то есть не бог весть в какие роскошества. Потому что зарабатывать как следует Николай Алексеевич — так звали этого господина — не умел, как-то не вышло у него научиться. Наверное, сказалось детство в шестикомнатной квартире, в самом важном доме Петербурга, где живали Киров и Шостакович.

Теперь же Николай Алексеевич затеял продавать свою квартиру на Ждановке и покупать жилье в городе Пушкине. Он рассчитывал выручить некоторую существенную разницу, чтоб хватило еще лет на пятнадцать скромной, но достойной жизни — а там уж поглядим. А во-вторых, квартира в Царском Селе — это само по себе очень элегантно. Хорошо звучит.

Поговорив с продавцом и обговорив некоторые детали сделки, он решил пройтись по парку.

Со скамейки его громко окликнули на «ты».

Это был примерно его ровесник, мужчина лысый и полноватый, в отличие от подтянутого Николая Алексеевича с короткой, но плотной седой стрижкой.

- Ванька! Так это ты? узнал Николай Алексеевич, присмотревшись.
- А то!

Николай Алексеевич сел рядом и сказал:

- Да, давно не виделись... Лет пятнадцать, небось?
- Небось двадцать два!
- И ведь правда! вздохнул Николай Алексеевич, оглядев старого приятеля. Тот был одет весьма прилично, и главное туфли дорогие и новые. По туфлям видно человека. Как ты, что ты?
 - Если одним словом, то уезжаю, сказал тот.

Николай Алексеевич вопросительно поднял брови. Иван Сергеевич объяснил, что едет в Германию. Вместе с женой. Навсегда, извините. К родному сыну. Сын там уже давно имеет гражданство, а вот теперь и он сам все оформил. Гуд бай, Россия, о!

— Ясно. Вот и попрощались, — сказал Николай Алексеевич. — Двадцать два года не виделись, а вот ведь как совпало! Интересная штука жизнь... — он помолчал и добавил: — У меня тоже дети уже давно в Европе.

Он ждал, что Иван Сергеевич станет его расспрашивать, как у него дела, и уже готовился что-то складное и солидное рассказать, но тот вздохнул и сказал:

- Пятого июля самолет. А приехал я сюда, милый мой Коленька, и в самом деле попрощаться. Только не с тобой, ясное дело, откуда ж я знал, что ты подвернешься, живешь тут, что ли?
 - Нет. Но собираюсь купить что-нибудь загородное...
 - Попрощаться с одной чудесной, самой лучшей в моей жизни женщиной...
 - Ого! Ну, расскажи!
- И в твоей жизни тоже, полагаю! мрачно сказал Иван Сергеевич. Дачу Кочубея помнишь? Вон там, и он мотнул головой назад и вправо. Угол Парковой и Радищева. Или забыл?

Помнил ли Николай Алексеевич дачу Кочубея! Дело было в девяносто шестом, они приехали на конференцию. Он сам был питерский, поэтому вполне мог ездить сюда на электричке, но все-таки удобнее было жить вместе со всеми. Дача Кочубея — когда-то это была на самом деле дача. Точнее, маленький дворец какого-то придворного человека, а сейчас — гостиница с обслуживанием конференций и семинаров. Их с Иваном поселили в одном двухкроватном номере.

Иван был из Москвы, неустанный рассказчик анекдотов — бывало, даже утомлял этим, особенно за обедом — но, судя по его докладу, хороший специалист и вообще умница. Почти подружились.

Но потом почти поссорились.

Там на рецепции была девушка, Надя ее звали, удивительно красивая, черноволосая и большеглазая, с полукруглыми персидскими бровями, темно-вишневым ртом и маленькими ушками. У нее была длинная шея, высокая грудь и тонкие руки с темным пушком выше запястий. Совсем юная, только окончила гостиничное училище, куда она пошла после восьмого класса. Она все это рассказала Николаю, он любовался ею и облизывался в сердце своем — ему, кстати, было тридцать шесть! В два раза старше! — но тут сбоку возник Иван, сосед и приятель. Стал шутить, рассказывать анекдоты, все более фривольные с каждым разом. Надя вспыхивала, хохотала, взмахивала своей красивой рукой, а Иван все сильнее наваливался на стойку рецепции, приближал к ней лицо — так что Николай отошел в сторону и пошел по своим делам. Сначала на заседание секции, а потом пройтись по парку.

На ужине Иван наклонился к нему, взял за рукав и шепотом попросил его «пойти погулять где-нибудь». Потому что он с этой Надей уже условился. Николай помрачнел. Иван предложил, что он договорится о номере на одну ночь. Что он даже сам заплатит, чтоб другу было где переночевать. «Вот и договорись сам для себя, а меня не вытуривай!» «Эх ты, друг называется!» — упрекнул Иван. Объяснять, что никакой он ему не друг, а всего лишь номинальный коллега и сосед по номеру — у Николая не было сил. Он мрачно кивнул, забрал из номера зонтик, и пошел гулять.

Была серо-белая июньская ночь. Калитка в парк была открыта. Редкие мужские и женские фигуры двигались вдоль пруда в безмолвном тумане. Николай сел на скамейку, раскинул руки, вообразил себе, как Иван обнимает Надю, и вдруг понял, что он в нее сильно, тяжело и ревниво влюблен. Слова любви сами шептались в его голове. Ты моя прекрасная, ты моя чудесная, зачем же ты ушла от меня... Он чуть не заснул от бессилия. А может, и на самом деле задремал. Очнулся, посмотрел на часы. Шесть тридцать утра.

Вернулся в гостиницу. На рецепции сидела Надя. Она вздрогнула и опустила глаза. Он подошел, увидел ее поспешно приглаженные волосы, протянул руку, поправил пружинкой вылезающую прядку:

- Экие у тебя петухи торчат! Ай-ай-ай!
- А что такого? она посмотрела ему в глаза. Я знаю, что вы знаете. Ну и пожалуйста. Я взрослый самостоятельный человек. Я взрослая свободная женщина, ясно вам?

- Слушай, взрослая женщина, сказал он, доставая из кармана бумажник. А выпиши-ка ты мне номер, одноместный, с хорошей кроватью, за наличный расчет. А то у вас тут такие койки страшные, матрасы как булыжником набиты...
- Пожалуйста, сказала она. Сейчас. Паспорт давайте. Ладно, не надо, я данные с той карточки перепишу. На сколько вам?
 - До конца заезда.
 - Платим сейчас или при выезде?
- Да один черт! зашептал Николай, схватив ее за руку, притянув к себе, целуя ее пальцы и запястье. Я люблю тебя, девочка, чудо мое. Мне наплевать, что ты только что была с этим другом... Я тебя обожаю. Ты прекрасная. Ты красивая. Ты смелая. Он анекдотики травит, а я тебя люблю. Ты хоть знаешь, что это слово значит?

Он зашел к ней за стойку рецепции, обнял. Целуя ее шею, плечи, грудь и ниже, опустился перед ней на колени. Уткнулся лицом в низ ее живота, заскрежетал зубами: «люблю!».

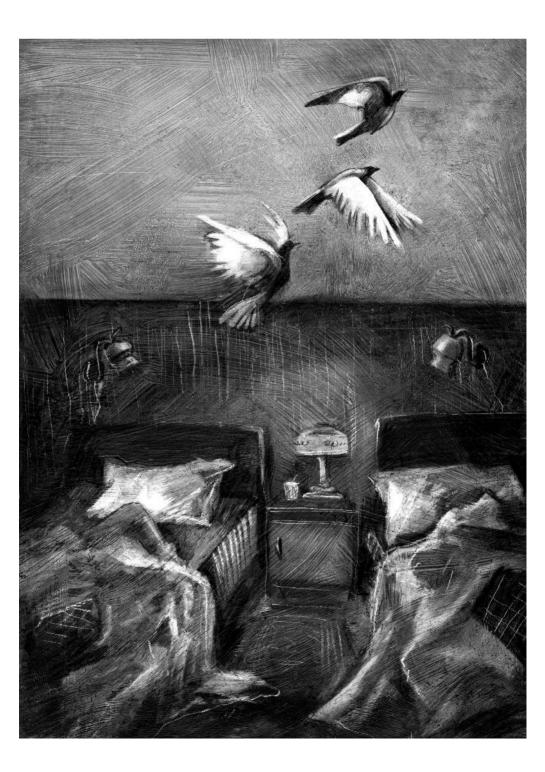
Потом поднялся. Сказал:

- Ключ! Пойдем!
- Через час, шепнула она, подавая ему ключ. У меня в восемь смена кончается.

Через день Иван сказал ему на обеде:

- Вот ты на меня дуешься, а ведь это я должен обижаться. А вот я не обижаюсь! Больше того скажу: я ее сегодня утром встретил и... и все у нас было хорошо. Мне кажется, я ее люблю. Почти как ты. Или даже сильнее. Но неважно. Да, а теперь, значит, твоя очередь. Все честно. Но я вот думаю: чего это мы с тобой в очереди стоим? Это скучно. Давай попробуем, выражаясь по-ученому, не сукцессивно, а симультанно, а? Молодые красивые мужики, чего нам друг друга стесняться? А она вообще потрясающая. Давай у тебя в номере? У тебя же кровать большая-пребольшая, она мне сказала.
 - Она сказала? изумился Николай.
 - Да, да, она сказала! покивал Иван. Сама сказала. Чувствуешь?
 - Какие-то у тебя стрёмные затеи.
- Я с ней договорюсь, сказал Иван. Ты, главное, сам не стремайся. Нормальные затеи. Тебе понравится. Уверяю. Или ты первый раз будешь, так сказать, в коллективе?
 - Да нет, ты что! сказал Николай. Сто раз! Давай, жду с нетерпением.

Ну, конечно, не сто раз, но раз десять уж точно. Но все эти разы были по пьяному делу с какими-то шлюшками, но вот так, чтобы с девушкой, в которую он искренне и нежно влюбился... Ужас. Но, наверное, судьба.

- ***
- Ну и как, попрощался? спросил Николай Алексеевич.
- Да. Взглянул на забор, на окна. Конечно, не заходил. Что я, сумасшедший? Может, она там и не работает вовсе. Мне просто нужно было в последний раз увидеть этот дом. Мне скоро шестьдесят, друг мой дорогой. У меня много было всего. Был мал, был велик, и бабы меня любили, и я их. Но это была самая лучшая женщина в моей жизни. Всем смехом своим, радостью, взглядом, голосом, телом своим бесподобным, и даже тем, что она нам с тобой, прости за выражение, одновременно в одной постели давала. Давала нам, дарила свою ласку и любовь, уточнил он. А ты уж, наверное, забыл ее?

Николай Алексеевич вместо ответа сказал:

- А ты, брат, лирик!
- Подвезти до города? спросил Иван Сергеевич, поднимаясь со скамейки.
- Меня шофер ждет. Тут, два шага, у пассажа.
 - Спасибо! Не надо. Ну, удачи тебе в Неметчине. Erfolg!
 - —Danke!— они коротко обнялись.

На рецепции сидела темноволосая, чернобровая красивая женщина, похожая на цыганку, с темным пушком на верхней губе и вдоль щек, с большими грудями под красной кофточкой.

- Давно здесь работаете? спросил он.
- Давно, Николай Алексеевич!
- —Надежда! Ты? сказал он, в упор глядя на нее. Сколько лет мы не видались?
- Двадцать два года, Николай Алексеевич. Мне сейчас ровно сорок, а вам под шестьдесят, думаю?
 - Вроде этого. Боже мой, как странно! Ты замужем?
 - Нет. И не была.
 - Почему? При такой красоте замуж не вышла?
 - —Не могла я этого сделать. Помните, как я вас любила?
 - Мы же на «ты»!
- Вас обоих, сказала она. Тебя и Ваню. Ивана Сергеевича, кажется. Так его звали?
- Так, так, сказал он, покраснев и нахмурясь. Все проходит, моя хорошая. Любовь и молодость, всё!
- У кого как, сказала она. Молодость у всех проходит, а любовь другое дело.

- Но не могла же ты меня... то есть нас... любить всю жизнь?
- —Значит, могла. А как вы ужасно меня бросили!
- Как? спросил он.
- Просто уехали, и всё. Чмокнули в щечку, и навсегда... Я вам отдала нет, не молодость и красоту! Я вам свою душу, свой стыд и совесть отдала, я же с вами двоими в одной кровати, разве забыли? Одному так, другому этак, да под тихую музыку. Что мне после этого было делать? Проституткой я стать не смогла, честной женой и матерью не захотела. Как я мужу и детям в глаза бы смотрела, когда у меня в голове только вы. Как вы меня вдвоем уласкиваете...
 - Ну, прости меня. Простила?
- Нет. Простить не смогу. У меня не было ничего лучше вас. А вы меня в щечку чмокнули и уехали.

Николай Алексеевич посмотрел на нее и строго сказал:

— Одно тебе скажу: и я не был счастлив в жизни. Жена бросила меня еще обидней, чем я тебя. Во Францию уехала и не вернулась, и никакой весточки не прислала. Детей обожал! Все для них делал! А сын один вышел негодяй, подонок, а второй всё себя ищет, в Индию ездит, дурачок с рюкзачком... Думаю, что и я потерял в тебе самое дорогое, что имел в жизни.

Она вышла из-за стойки. Он поцеловал ей руку.

— Прощай. А Ваня уехал в Германию, навсегда.

Когда он ехал в электричке, то смотрел в окно и хмуро думал: «Она была чудесная, волшебная, невероятная. Проклятый Ванька! Но что было бы, если бы я остался с нею? Если бы мы остались с нею? Жить втроем? Нет! Слишком стрёмные затеи. Но даже если Ваньку совсем вычеркнуть и забыть... Допустим, нет никакого Ивана Сергеевича! Только я и она. Ну и что? Она — не администратор в «Даче Кочубея», а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей? Нет, нет».

И закрывая глаза, качал головой, прекрасно понимая, что он сейчас цитирует Бунина, а на самом деле у него не было никакого «дома» в семейно-светском смысле, и жены никогда не было, и детей не было тоже.